

Лидия Карловна Туган-Барановская
(Давыдова)

Фредерик Шопен. Его жизнь и музыкальная деятельность

Жизнь замечательных людей

Лидия Туган-Барановская

**Фредерик Шопен. Его жизнь
и музыкальная деятельность**

«Public Domain»

Туган-Барановская Л. К.

Фредерик Шопен. Его жизнь и музыкальная деятельность
/ Л. К. Туган-Барановская — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

Содержание

Глава I	7
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лидия Карловна Давыдова Фридерик Шопен. Его жизнь и музыкальная деятельность

*Биографический очерк Л. К. Давыдовой
С портретом Шопена*

Глава I

Детство Шопена. – Его ранняя склонность к музыке. – Занятия в лицее. – Первые заграничные поездки.

Фридерик Шопен родился 1 марта 1810 года в имении графа Скарбека Желязова Воля, под Варшавой. Отец его, Николай Шопен, был француз, родом из Лотарингии. В конце восьмидесятых годов восемнадцатого столетия он приехал в Варшаву в качестве служащего одной французской фирмы, торговавшей табаком. Когда дела фирмы расстроились, он начал давать уроки французского языка и в скором времени получил место учителя в одном польском семействе. Польша ему очень нравилась: он женился на польке, принимал деятельное участие в политической жизни страны и чувствовал себя совсем дома в своем новом отечестве. Будучи одним из участников восстания Костюшки, он только благодаря счастливой случайности избег участи, постигшей большинство его товарищей. После подавления восстания, когда нечего было и думать ни о какой общественной деятельности, Шопен ушел в частную жизнь и жил уроками французского языка и тем, что держал пансионеров – по большей части детей из польских аристократических семей. Он был не выдающимся, но хорошим, честным и развитым человеком, интересующимся искусством и литературой. В доме его собирались многие представители варшавской интеллигенции.

Жена его была кроткая, любящая женщина, очень набожная и всецело погруженная в свою домашнюю жизнь и заботы о семье. Муж и жена очень любили друг друга и вкладывали всю свою душу в воспитание детей. В этой мирной атмосфере семейной любви прошли детство и первая молодость Шопена, что оставило неизгладимый след на всем его характере. Он страстно любил свою семью и всегда говорил, что время, проведенное «дома», было лучшим временем в его жизни. Его письма к родным дышат самой искренней нежностью и почтительностью. Он подробно описывает все, что ему приходится переживать, местности, через которые он проезжал, людей, с которыми встречался. Видно, что между Шопеном и его семьей существовало самое тесное общение. С особенной любовью относился он к своей матери: Жорж Санд говорит даже, что мать была его единственной страстью, единственной женщиной, которую он действительно любил, но это, конечно, сильное преувеличение, что доказывается прежде всего его отношениями с той же самой Жорж Санд. Но о Ж. Санд еще много придется говорить впоследствии, а теперь вернемся к детству Шопена.

Будучи совсем маленьким ребенком, Фридерик не мог выносить музыки: как только он слышал звуки игры или пения, он принимался отчаянно плакать, и немало труда стоило всегда успокоить его. Но это отвращение вскоре сменилось совершенно другим отношением к музыке. Он рано начал брэнчать на фортепьяно и обнаружил такие выдающиеся музыкальные способности, что его еще совсем маленьким мальчиком, пяти-шести лет, заставили брать уроки игры на этом инструменте, чему он, впрочем, подчинился очень охотно. Учителем его был Цивни, один из лучших варшавских учителей того времени. Мальчик делал поразительно быстрые успехи и слыл в Варшаве за маленького «enfant prodige»¹. Ему часто приходилось играть в аристократических домах, с которыми отец его имел сношения через своих учеников.

Фридерiku не было еще девяти лет, когда он в первый раз выступил публично в одном благотворительном концерте. Можно себе представить, каким событием в семье был его первый публичный выход. Мальчика одели в красивый костюмчик, с большим кружевным воротником, который доставлял маленькому артисту несказанное удовольствие. Когда после концерта мать спросила его: «Как ты думаешь, что больше всего понравилось публике?»,

¹ чудо-ребенка, вундеркинда (фр.)

он ответил: «Знаешь, мама, все они смотрели на мой воротник!» Этот наивный ответ показывает, что, несмотря на ранние триумфы в салонах, Шопен в девять лет был еще настоящим ребенком. Но частые посещения варшавской аристократии имели большое влияние на развитие его характера: там он приобрел изящные аристократические манеры настоящего «джентльмена»; там он выработал умение обращаться с людьми и житейский такт; там же он привык придавать такое большое значение внешним формам приличия и впоследствии с ужасом относился ко всему яркому, грубому, резкому. Шопен очень любил аристократические салоны, чувствовал себя там в своей сфере и всегда, в какой бы город ни приезжал, в скором времени попадал в аристократический круг.

Маленький Фридерик был слабым, болезненным ребенком, и уже в силу своей болезненности был лишен свойственных его возрасту игр и физических упражнений. Он рос вместе со своими тремя сестрами и почти исключительно находился в женском обществе, чем отчасти объясняется та почти женственная мягкость, которая всегда составляла отличительную черту его характера.

Сочинять Фридерик начал почти в одно время со своими первыми опытами игры на фортепьяно и раньше, чем он выучился писать. Он просил своего учителя музыки записывать за него разные приходившие ему в голову мелодии. Сочинял он тогда большей частью мазурки, вальсы и полонезы. Когда ему было десять лет, он посвятил великому князю Константину марш, который был напечатан (но без имени автора) и несколько раз исполнялся военным оркестром. Эти первые опыты в композиции, во всяком случае свидетельствующие о недюжинном даровании мальчика, побудили отца дать ему учителя теории музыки. Но в то время никто еще не думал о том, что Фридерик может сделаться музыкантом: родители смотрели на его страстную любовь к музыке как на естественное увлечение ребенка, которому недоступны разные шумные мальчишеские игры, требующие прежде всего ловкости и силы. Учителем его был выбран Эльснер, директор Варшавской консерватории. Он скоро заметил, что имеет дело с выдающимся учеником, и с большой любовью относился к своим занятиям с ним. Дружеские отношения между ними продолжались и тогда, когда ученик сделался взрослым человеком и далеко перерос своего учителя, и были прерваны только смертью Шопена.

Детство Шопена, как мы уже говорили, было очень счастливым. Он был ласковым, кротким ребенком, уже с ранних лет обнаруживавшим удивительную способность привлекать к себе людей. Его любили все, кто с ним сталкивался. Несмотря на свою болезненность и мягкий характер, он вовсе не был вялым, флегматичным мальчиком и вместе со своими сестрами всегда готов был на всякие шалости и проделки. Одним из любимых занятий детей была игра в театр, причем они сами сочиняли пьесы для своего репертуара. Фридерик всегда играл первую роль в этих домашних спектаклях, и играл так хорошо, что известные в то время актеры, бывавшие в доме его отца, предсказывали ему блестящую будущность на поприще драматического искусства. В особенный восторг всех приводила его мимика; мимический талант сохранился у него и впоследствии.

До пятнадцати лет Шопен учился дома, вместе с пансионерами своего отца, а затем поступил в один из старших классов Варшавского лицея. Он учился очень хорошо и постоянно переходил из класса в класс с наградами; но особенной любви к наукам никогда не чувствовал, а учился хорошо, потому что при его даровитой натуре все давалось ему очень легко, и к тому же дома ему помогали заниматься.

Среди товарищей он скоро сделался общим любимцем за свой веселый, приветливый характер. Особенную популярность в лицее он приобрел своим умением передразнивать и рисовать карикатуры, главной темой для которых, конечно, служили учителя лицея и его директор.

Из своих товарищей по лицу Шопен особенно подружился с неким Дзевановским и на каникулы поехал с его семьей в их имение Шафарния, расположенное неподалеку от Варшавы. На юношу, воспитанного в городе, это первое пребывание в деревне произвело необыкновенно сильное впечатление: первое время, когда он туда приехал, он целыми днями бродил по лесу и по полям, лежал под деревьями, смотрел на небо и чувствовал себя вполне счастливым. В пятнадцатилетнем мальчике уже сказывался будущий великий поэт звуков.

Но разные эпизоды из его жизни в Шафарнии показывают, что, несмотря на свои поэтические порывы и любовь к природе, Шопен был большим шалуном и что шалости его не всегда имели безобидный характер. Так, например, рассказывают следующую его мальчишескую проделку. Владелец Шафарнии вел переговоры с одним евреем относительно продажи ему ржи. Переговоры кончились обоюдным соглашением, и еврей уехал, обещав через некоторое время привезти деньги. Шопен, узнав об этом, написал старику Дзевановскому письмо, в котором, от имени еврея, отказывался от заключенного между ними условия. Подделка под еврейский жаргон была так хороша и письмо было написано таким ужасным почерком и с таким обилием грамматических ошибок, что Дзевановский попался в ловушку. Не подозревая никакой мистификации, он пришел в необычайную ярость и хотел тотчас же послать за несчастным, ни в чем неповинным евреем и хорошенько задать ему за его мнимое вероломство, но Шопен, видя, что дело заходит так далеко, поспешил вывести его из заблуждения.

Свои письма к родным Шопен составлял в виде еженедельной газетки, называемой «Курьер Шафарский». Сохранилось несколько номеров этой газетки. В них довольно остроумно описываются разные мелочи повседневной деревенской жизни. Цензором «Курьера Шафарского», неизменно прилагавшим к нему свою печать, была Луиза Дзевановская, сестра товарища Шопена.

Занятия в лицее не мешали ему посвящать много времени своей музыке. Он делал такие быстрые успехи в фортепьянной игре, что с двенадцати лет Цивни перестал давать ему уроки, находя, что больше ничему не может научить его. Будучи предоставлен самому себе, Шопен продолжал очень много работать. Рассказывают, что еще в детстве, для того чтобы быть в состоянии брать разные особенно нравившиеся ему аккорды, он решил растянуть свои руки и с этой целью устроил себе между пальцами какое-то приспособление, которое не снимал даже ночью. Эти аккорды, ради которых он в детстве подвергал себя таким истязаниям, были те самые, которые впоследствии сделались одной из характеристических особенностей его сочинений.

С самой ранней молодости у него начала проявляться удивительная способность к импровизации, благодаря которой он впоследствии пожинал так много лавров. Игра его тогда уже производила на слушателей необыкновенно-обаятельное впечатление. Для маленьких детей, пансионеров его отца, не было большего удовольствия, чем когда Фредерик садился за фортепьяно и под музыку рассказывал им разные истории, по большей части тоже своего собственного сочинения.

Однажды, когда отца его не было дома, дети подняли страшную возню и учитель не знал, что ему с ними делать. Фредерик случайно вошел в это время в комнату и, увидев взволнованного и рассерженного учителя, тщетно старающегося водворить порядок в своем маленьком царстве, решил прийти ему на помощь.

Собрав вокруг себя детей, он сказал им, чтобы они все уселись и сидели смирно, и он расскажет им сказку. Дети тотчас же послушались, и вскоре в зале воцарилась полная тишина. Фредерик сел за фортепьяно, потушил свечи (он всегда импровизировал в темноте) и начал играть, сопровождая свою игру рассказом. Он рассказывал, как разбойники приближались к дому, как они хотели влезть в окно, но испугались начавшегося в доме движения, ушли в темный лес и там заснули под звездным небом. Он играл все тише и тише,

точно хотел убаюкать своих слушателей; и действительно, все эти разгоряченные возней ребятишки мало-помалу начали засыпать, как вдруг громкий, звенящий аккорд снова пробудил их.

1825 год был знаменательным годом в жизни Шопена. В этом году шестнадцатилетний мальчик второй раз выступил публично в одном концерте и, кроме того, играл в присутствии императора Александра I, который остался очень доволен игрой молодого артиста и подарил ему на память перстень с большим бриллиантом. Наконец в этом же году было напечатано его первое музыкальное произведение. В посмертном издании сочинений Шопена есть вещи, написанные ранее этого времени, например, полонез, помеченный 1822 годом, когда ему, следовательно, было всего тринадцать лет. Но первой вещью, которую он сам и его учитель сочли достойной появиться в печати, было *Rondeau C-moll*, посвященное госпоже Линде, жене одного из приятелей его отца, с которой Шопен часто играл в четыре руки.

Страсть к композиции все более и более овладевала юношей. Когда перед ним вставляли какие-нибудь музыкальные образы, он совсем преображался, уходил в себя, делался молчаливым и задумчивым и по целым дням ходил взад и вперед по своей комнате, весь погруженный в таинственный процесс творчества, происходивший в его душе. Иногда ночью, когда все в доме спали, он внезапно вскакивал с постели, подбегал к своему фортепиано и брал один за другим отрывочные аккорды. Это приводило в большое недоумение прислугу, которая никак не могла понять, зачем это молодой господин ночью по несколько раз принимается играть. Они решили между собой, что он, наверное, начинает сходить с ума.

Фридерик так много работал, занимаясь музыкой и проходя в то же время курс в лицее, что в семнадцать лет у него сделалось нервное переутомление и он на лето поехал с матерью и сестрами на воды в Рейнерц. Здесь ему пришлось дать свой первый собственный концерт. Случилось это так. В Рейнерце умерла одна бедная вдова, оставив двоих детей буквально ни с чем, так что не на что было даже похоронить ее. Услышав об этом, Фридерик решился помочь сиротам и дал в их пользу концерт, которым выручил довольно порядочную сумму.

Из Рейнерца Шопен поехал на некоторое время в имение к своей крестной матери, госпоже Веселовской, и там познакомился с князем Радзивиллом, представителем одной из самых древних аристократических фамилий Польши и большим любителем и знатоком музыки. В его доме собирались все приезжавшие в Польшу выдающиеся артисты. Он пришел в восторг от игры Шопена, приглашал его к себе и, будучи в Варшаве, сам несколько раз заходил к нему. Шопен раза два ездил погостить в его поместье Антонин в Познани. Затем они встретились уже в Париже. Этим и ограничиваются все сношения Шопена с князем Радзивиллом. Никакого покровительства или денежной поддержки князь ему не оказывал.

Лист в своей книге о Шопене, написанной вскоре после смерти последнего, писал, что Шопен воспитывался на средства князя Радзивилла, который будто бы также дал ему денег на поездку за границу. Но это совершенно неверно, и все позднейшие биографы Шопена решительно отрицают этот факт. Родители Шопена были люди небогатые, но вполне достаточные и во всяком случае были в состоянии дать своему сыну надлежащее образование. Из заграничных писем его к отцу ясно видно, что он жил только на его средства: он часто сетует, что ему стыдно брать так много денег и что родные должны так много на него тратить. После выхода в свет книги Листа семья Шопена печатно заявила, что они никогда не пользовались никакой материальной поддержкой князя Радзивилла.

Восемнадцать лет Шопен окончил Варшавский лицей. Выпускные экзамены он сдал не так блистательно, как обыкновенно сдавал переходные экзамены из класса в класс: музыка отнимала у него слишком много времени. Родители его, которые сначала смотрели на своего сына как на даровитого дилетанта и не придавали особенного значения его музыкальным занятиям, мало-помалу пришли к убеждению, что он рожден был артистом, и решили дать ему возможность сделать из себя настоящего музыканта. По окончании лицея

Шопен мог всецело отдаться музыке. Стол его был завален множеством новых произведений, частью уже отделанных, частью только начатых.

Он вскоре перерос всех варшавских музыкантов, и его страшно начало тянуть в какой-нибудь крупный музыкальный центр, где бы он мог увидеть и услышать великих музыкантов своего времени и у них поучиться. Но родители сначала никак не могли решиться надолго отпустить своего болезненного и изнеженного сынка одного за границу, а послали его только на две недели в Берлин, вместе с их старым другом, профессором Яроцким, который отправлялся туда на конгресс естествоиспытателей. Поездка эта решилась совершенно неожиданно для самого Шопена, и он был в необычайном восторге от такого внезапного осуществления его заветной мечты.

Он пишет своему другу Войцеховскому (о котором еще будет речь ниже): «Пишу тебе как сумасшедший, потому что я сам не понимаю, что со мной делается. Сегодня я еду в Берлин! Я пробуду там всего две недели, но этого достаточно, чтобы услышать хорошую оперу в законченном исполнении».

Поездка в Берлин была первым большим путешествием молодого Шопена, который до сих пор никогда не выезжал из пределов Польши. Поэтому все, что попадалось ему на пути, было для него ново и казалось интересным и занимательным. Он сообщает родным свои наблюдения над попутчиками и пишет, что за эту дорогу коллекция его карикатур значительно увеличилась. Попутчики казались ему актерами, разыгрывавшими смешную комедию, и он, с сознанием своего превосходства над ними, этой комедией забавлялся.

Берлин не вполне оправдал его ожидания: ему не удалось познакомиться ни с кем из местных выдающихся музыкантов. Профессор Яроцкий оказался не особенно приятным спутником для молодого человека, жаждавшего прежде всего услышать как можно больше музыки и увидеть как можно больше музыкантов. Яроцкий же был совершенно поглощен конгрессом естествоиспытателей и вместо концертов водил Шопена по зоологическим кабинетам и доставал ему билеты на обеды членов конгресса, что было тому совсем не по душе. Естественные науки его совершенно не интересовали, а жрецы науки казались скучными и односторонними и шокировали его эстетическое чувство своими неизящными манерами. Он пишет родным: «Сегодня будет обед у Гумбольдта. Яроцкий хотел достать и для меня пригласительный билет, но я отказался, потому что не нахожу особенного интереса для себя в таких собраниях: я для этого недостаточно учен. К тому же записные ученые, наверное, с некоторым недоумением стали бы смотреть на меня, непосвященного, и думали бы: каким образом очутился Саул среди пророков? Уже за первым обедом мне казалось, что мой сосед, известный гамбургский профессор ботаники, несколько странно на меня посматривал. Меня поражали его сильные руки: он с необыкновенной легкостью разламывал громадный кусок белого хлеба, с которым я еле справлялся при посредстве обеих рук и ножа. Он разговаривал через стол с профессором Яроцким и в пылу увлечения дошел до такой рассеянности, что по ошибке вместо своей тарелки залез в мою и начал по ней барабанить пальцами. Настоящий ученый, не правда ли? И нос у него соответственный – огромный, безобразный. Во время этой барабанной игры я сидел как на иголках и, как только он кончил, старательно принялся вытирать следы его пальцев на своей тарелке».

Этот отрывок очень характерен. Он показывает, как даже в ранней молодости, когда люди обыкновенно не придают особенного значения разным внешним приемам вежливости и приличия, Шопен был щепетилен на этот счет и как его шокировали разные мелкие неловкости и угловатости. Вместо того, чтобы просто посмеяться над рассеянностью старика профессора, он «сидит как на иголках», и по тону письма видно, что он чувствовал к нему даже некоторую враждебность. Такое отношение к людям всегда было одной из отличительных черт его натуры. Ж. Санд говорит, что он способен был возненавидеть человека из-за какого-нибудь совершеннейшего пустяка, на который никто, кроме него, не обратил бы и внимания.

От берлинской музыки Шопен был в восторге. Он несколько раз бывал в опере и в концертах и в первый раз услышал тут одну из ораторий Генделя, которая произвела на него громадное впечатление; по его словам, эта оратория более всего из слышанного им до сих пор приближалась к его идеалу возвышенной музыки.

На возвратном пути в Варшаву, по случаю перепряжки лошадей, Шопену и его спутнику пришлось ждать целый час в маленьком городке Цулишау. Шопен, от нечего делать, принялся бродить по гостинице, в которой они остановились, и вдруг, к своему большому удивлению и радости, наткнулся в одной из приемных комнат на рояль. За весь длинный путь от Берлина до Варшавы Шопен был лишен возможности играть на фортепьяно и, увидев здесь инструмент, который к тому же оказался хорошо настроенным, он тотчас же уселся за него и принялся играть. Звуки его игры мало-помалу начали привлекать слушателей: пришел один из его попутчиков по omnibusу, который во время дороги уверял, что самое большое наслаждение в жизни – это курение и что он скорее готов умереть, чем расстаться со своей трубкой; пришли другие попутчики; наконец, пришел сам хозяин гостиницы со своей толстой, как шар, супругой и двумя хорошенькими дочерьми. Все замерли как очарованные, слушая увлекательную, поэтическую игру незнакомого им человека. У любителя курения потухла его возлюбленная трубка, и он был так поглощен музыкой, что даже не замечал этого.

Шопен весь отдался своей импровизации и играл все нежнее и вдохновеннее, как вдруг раздался резкий окрик кондуктора: «Лошади поданы, господа». Все слушатели с негодованием набросились на кондуктора за его непрошенное появление. Шопен вскочил со своего места и хотел идти, но все обступили его и начали упрашивать продолжать игру.

"...Но ведь мы и так сидим здесь более часа и скоро должны уже быть в Познани», – отговаривался молодой пианист. «Останьтесь и поиграйте еще немного, – убеждал его хозяин, – я дам вам курьерских лошадей, и вы поспеете как раз вовремя». Хозяйка, ее хорошенькие дочки и прочие попутчики присоединились к этой просьбе. Шопену не оставалось ничего другого, как согласиться. Он сел опять за рояль и продолжал игру, к великому удовольствию своих слушателей. Когда он кончил, все наперебой стали выражать ему свой восторг. Один из присутствовавших подошел к нему и со слезами на глазах сказал: «Я старый музыкант и тоже немного играю на фортепиано, и поэтому могу оценить вашу удивительную игру. Если бы Моцарт слышал вас, он пожал бы вам руку и сказал: браво! Я же, незначительный человек, не смею этого сделать».

Хозяин на радостях угостил всех вином и пирожными, а дочери его наполнили дорожную сумку артиста всевозможными лакомствами. Когда же он на прощание сыграл еще мазурку, то восторг публики достиг крайних пределов: хозяин, который был громадного роста, схватил молодого Шопена на руки и на руках отнес в omnibus.

Впоследствии Шопен очень любил вспоминать про этот эпизод и считал его хорошим предзнаменованием для своей начинающейся музыкальной карьеры. Композитор часто рассказывал, как он, подобно менестрелям старого времени, странствовавшим с лютней из города в город, своей игрой заработал себе в Цулишау пирожки, фрукты и вино. Он говорил также, что самые большие восхваления печати не были ему так приятны, как наивный восторг того любителя курения, который в увлечении его игрой даже забыл про свою трубку.

Вернувшись в Варшаву, Шопен опять принялся за свои занятия, но ему уже не сиделось дома. Берлин с его чудной музыкой не выходил у него из головы; его скоро опять начало тянуть за границу, и через несколько месяцев он, в сопровождении своих товарищей, снова отправился путешествовать. Целью его странствования на этот раз была Вена. Отец и Эльснер убеждали молодого пианиста дать в Вене свой концерт, но он не мог сразу на это решиться. Перспектива играть в городе, который слышал Бетховена и Моцарта, несколько смущала его.

Вена встретила его очень приветливо. У него были рекомендательные письма ко многим представителям венского музыкального мира, которые отнеслись к нему очень дружелюбно и остались в восторге от его игры. «Я не могу понять, что это значит, но здесь многие мне удивляются, а я удивляюсь этим людям, которые находят чему удивляться во мне», — пишет Шопен своим родным. Он скоро познакомился с разными выдающимися венскими музыкантами и проник в аристократические салоны, где его везде принимали очень любезно и восхищались его игрой. Светские успехи чрезвычайно радовали молодого артиста, и он с наивным, мальчишеским тщеславием пишет родным: «Все журналисты с удивлением смотрят на меня, и музыканты из оркестра почтительно кланяются мне, видя, как я гуляю под руку с директором итальянской оперы».

Новые знакомые в один голос уговаривали Шопена дать свой концерт. Издатель его сочинений особенно настаивал на этом, находя, что для успеха музыкальных произведений очень важно, чтобы автор сам сыграл их для публики. Шопен долго колебался, но наконец решился. Концерт прошел с блестящим успехом, хотя многие из публики нашли, что он играет слишком нежно и тихо. Эти качества навсегда остались отличительными чертами Шопена как виртуоза. В его игре не было той могучей силы, тех резких, ярких эффектов, которые создают успех в большой публике. Он был артистом «для немногих». Хотя всегда, когда он выступал, он имел большой успех, но это был скорее *succès d'estime*²: публика чувствовала в нем оригинальный, большой талант и ей нравились изящество и поэтичность его игры, но увлечь за собою массу, наэлектризовать ее и заставить, как одного человека, разразиться восторженными аплодисментами, — этого Шопену никогда не удавалось. Поэтому он так рано отказался от карьеры виртуоза.

Но как бы то ни было, а в Вене Шопен имел для начинающего пианиста большой успех и сам был им вполне доволен. Особенно дамы были в восторге от молодого артиста и его игры: Шопен всегда очень нравился женщинам. Он с некоторым волнением ожидал отзывов прессы и писал родителям: «Если газеты меня так разбранят, что мне будет стыдно показываться людям на глаза, то я решил сделаться маляром. Это очень легкое искусство, и, занимаясь им, все-таки остаешься художником».

Но осуществлять это скромное решение не было надобности, потому что газеты его чрезвычайно расхвалили, и, под влиянием общих одобрений и убеждений друзей, Шопен дал в Вене второй концерт, который тоже прошел с большим успехом.

Вообще Шопен остался доволен своим пребыванием в Вене. Он завязал массу знакомств, проводил время очень разнообразно и приятно и выслушивал много лестных для себя вещей. Успех его концертов совершенно опьянил его. В письме к родным, написанном на другой день после второго концерта, он подробно описывает все, что ему пришлось пережить за это время, и в конце прибавляет: «Право, я хотел писать совсем о другом, но вчерашний день не выходит у меня из головы».

На возвратном пути в Варшаву Шопен с товарищами заезжал в Прагу и Дрезден. Там он тоже познакомился с местными музыкантами, везде находил самый радушный прием и писал родным веселые, счастливые письма. Вообще это путешествие было одним из самых светлых периодов в его жизни.

² успех, обусловленный уважением к автору (или исполнителю), а не достоинствами произведения (или исполнения)

Глава II

Жизнь Шопена в Варшаве. – Его душевное состояние. – Дружба с Титом Войцеховским. – Первая любовь Шопена. – Отъезд из Польши.

Вернувшись в Варшаву, Шопен опять зажил прежней жизнью, то есть играл, сочинял и много бывал в обществе.

Он жил в маленькой комнатке в верхнем этаже, в стороне от всех других. Там стоял его рояль и старый письменный стол, заваленный нотной бумагой. Впоследствии он часто вспоминал эту маленькую комнатку, где проводил столько хороших часов за работой или в обществе друзей, приходивших к нему поболтать и послушать его новые произведения. У него было много товарищей и друзей. Лист описывает Шопена сдержанным, замкнутым в себе человеком, который был мил и приветлив со всеми, но дружен не был ни с кем и никому не давал заглянуть в свою душу. Но Шопен не всегда был таким, каким знал его Лист. Этот загадочный, всегда проникнутый какой-то тихой грустью человек в свои молодые годы был живым, увлекающимся юношей и имел близких людей, с которыми был вполне откровенен. Дружба его носила даже восторженный, романтический характер. Приведем несколько отрывков из писем Шопена к его лучшему другу, Титу Войцеховскому, с которым он остался дружен в течение всей своей жизни. Если бы не знать, к кому относятся эти письма, можно было бы подумать, что это пишет страстно-влюбленный предмету своей любви:

Декабрь 1818 г.

"...Если я пишу сегодня так много глупостей, то делаю это, только чтобы напомнить тебе, что ты по-прежнему близок моему сердцу и что для тебя я все тот же Фридерик, каким был раньше».

Май 1830 г.

"...Ты не имеешь понятия о том, как я люблю тебя! Если бы я только как-нибудь мог доказать тебе это! Чего бы я ни дал, чтобы опять быть с тобой и хорошенько расцеловать тебя!»

Сентябрь 1830 г.

"...Я не хотел бы путешествовать с тобой, потому что с особенным наслаждением думаю о том моменте, когда мы с тобой встретимся в дороге. Одна эта минута будет стоить тысячи однообразных дней, проведенных вместе в путешествии».

Апрель 1830 г.

«Когда я пишу что-нибудь, мне всегда ужасно хочется знать, как оно тебе понравится. Мой второй концерт не будет иметь для меня никакого значения до тех пор, пока ты его не услышишь и не одобришь».

Первая любовь Шопена имела такой же романтический, мечтательный характер, как его дружба. Предметом этой любви была одна молоденькая ученица Варшавской консерватории, Констанция Гладковская. Она была очень хороша собой и ее чистый, девический облик наполнял душу молодого артиста восторженным поклонением. В первый раз он упоминает о своей любви в одном письме к Войцеховскому (3 октября 1829 года). Он пишет ему:

"...Не думай, что я влюблен в m-lle Блахет (одна молодая пианистка, жившая в Вене). Я уже нашел – может быть, к моему несчастью – свой идеал, которому глубоко и благоговейно поклоняюсь. Уже шесть месяцев я влюблен в нее и до сих пор не сказал с ней ни единого слова, но вижу ее во сне каждую ночь. Думая о ней, я писал Adagio своего концерта, и сегодня утром она вдохновила меня для этого вальса, который я тебе посылаю».

Уже по этим строчкам видно, сколько романтизма было в первой любви Шопена: он в течение шести месяцев довольствовался молчаливым обожанием издалика и даже не пытался познакомиться с ней, хотя для него это было бы совсем не трудно, потому что она

была ученицей Варшавской консерватории и Шопен был хорошо знаком с ее профессором пения. Через него он впоследствии с ней и познакомился. По-видимому, он не столько любил саму молодую девушку, сколько свою любовь к ней, те страдания, которые она ему доставляла. Для него она была предлогом «для тайных дум, мучений и блаженства», которые были ему необходимы для творчества. Он любил ходить в ту церковь, где она обыкновенно бывала, и там смотрел на нее, пока она молилась. Часто потом он вспоминал об этих минутах.

Ни один из биографов Шопена ничего не сообщает о самой Констанции Гладковской. Что она была за личность – неизвестно. Известно только, что она была очень красива и что у нее был прекрасный голос. С любовью к ней в жизни Шопена начинается новый период: талантливый мальчик превращается в великого артиста и тоскующего поэта и пишет свой бессмертный концерт F-moll. (Op. 21)³. Сам Шопен писал об Adagio этого концерта:

«Adagio» имеет романтический, спокойный, частью меланхолический характер. Оно должно производить такое впечатление, как будто видишь перед собой любимый пейзаж, вызывающий в душе дорогие воспоминания, как, например, в тихую, озаренную лунным светом, весеннюю ночь. Концерт F-moll – одно из лучших, наиболее поэтических сочинений Шопена. Лист говорит, что в нем есть места «поразительного величия» («d'une grandeur surprenante»), а Шуман восклицает: «Что значат десять премированных сочинений по сравнению с одним таким Adagio!»

Настроение Шопена в этот период его жизни было самое переменчивое. Никаких сколько-нибудь основательных причин для мрачности у него не было: он был молод, привлекателен, талантлив, творчество доставляло ему величайшее наслаждение; все кругом любили его, он был влюблен и пользовался взаимностью – словом, все ему улыбалось. Но Шопен был слишком талантлив, у него была слишком тонкая, болезненно-впечатлительная нервная организация, чтобы быть вполне счастливым. Несмотря на все благоприятные внешние условия, у него бывали тяжелые минуты, когда он казался себе самым несчастным человеком на свете и впереди ему рисовались одни бесконечные страдания. И он не гнал от себя такое настроение; напротив того, он любил погружаться в него и испытывал при этом какое-то особенное, мучительное блаженство. Все это было необходимо для его творчества.

Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан?

Он пишет Войцеховскому: «Я кажусь веселым, особенно когда нахожусь среди людей, но внутри меня что-то грызет, тяжелые предчувствия, беспокойство, нехорошие сны, бессонница, тоска, равнодушие ко всему на свете... Потом опять является жажда жизни, хочется работать, стремиться к чему-то. Часто мне кажется, что дух мой замирает, я испытываю невыразимо-блаженную тишину в душе, передо мной проносятся картины, от которых я не могу оторваться, и это мучает меня безмерно. Вообще – смесь всевозможных чувств, трудно поддающихся описанию». Через некоторое время он опять пишет Войцеховскому: «О, как грустно не иметь никого, с кем бы можно было делить радости и горе! Как ужасно чувствовать свое сердце удрученным, когда некому излить своих жалоб! Как часто я рассказываю своему роялю то, что хотел бы рассказать тебе!.. Как я был рад, когда получил письмо от тебя! Твои письма всегда успокаивают меня, а сегодня мне это было нужнее, чем когда-либо. Я хотел бы прогнать от себя мысли, которые отравляют мою жизнь, и в то же время мне почему-то нравится погружаться в них... Как часто я обращаю ночь в день и день в ночь,

³ Этот концерт был написан в 1823 году, но напечатан только в 1836 году, после E-moll концерта, напечатанного в 1833 году. Поэтому, хотя он был написан раньше, он называется вторым

живу во сне, и сплю днем, нет, не сплю, а мучаюсь, потому что и во сне я испытываю то же самое, и вместо того, чтобы освежать, эти сны только еще более изнуряют и томят меня».

Если судить по вышеприведенным отрывкам, то можно было бы думать, что жизнь Шопена была непрерывным рядом терзаний. А между тем это было совсем не так. Грустное настроение, которое временами овладевало душою Шопена, не мешало ему в другое время искренне веселиться, давать концерты и радоваться своим успехам, болтать всякий вздор и даже с увлечением танцевать мазурку. Нельзя не подивиться необыкновенной подвижности его настроения, когда читаешь, например, следующее письмо, написанное в том же самом году, что и те мрачные письма, выдержки из которых только что были приведены. Он пишет Войцеховскому:

"... Часто случается, что, когда человек хочет улучшить мнение других о себе, он только ухудшает его; но мне кажется, что касается наших с тобой отношений, я не могу ни улучшить, ни ухудшить твоего мнения обо мне. Любовь моя к тебе должна возбуждать и в твоём сердце такие же чувства ко мне. Если кто-нибудь вошел в мою душу, я не допущу, чтобы его от меня взяли, как деревья не отдают своего покрова из зеленых листьев, который придает им прелесть молодости. У меня всегда будет зелено, даже и зимой, то есть хочу сказать, в моей душе... Но – да поможет мне Бог! – в душе у меня величайший жар, поэтому не удивляйся, что получается такая роскошная растительность. Ну, довольно... твой навсегда... Я только теперь заметил, что наговорил кучу глупостей. Это потому, что я еще нахожусь под впечатлением вчерашнего вечера. Я чувствую себя усталым и сонным, оттого что слишком много танцевал мазурку... Твои письма я перевязываю ленточкой, которую мой идеал однажды дал мне. Я рад, что эти безжизненные предметы – письма и ленточка – так хорошо подходят друг к другу; очевидно, хотя они и не знают друг друга, они чувствуют, что пришли ко мне от двух самых дорогих для меня людей».

Трудно представить себе, чтобы это бессвязное, мальчишески веселое письмо было написано тем самым Шопеном, который в том же году писал свой концерт F-moll.

Уже через год после своего возвращения из Вены Шопен начал поговаривать об отъезде за границу. Он чувствовал себя не на своем месте в Варшаве, для развития его таланта ему необходимо было жить в каком-нибудь музыкальном центре. Родители Шопена тоже понимали это и из любви к сыну соглашались на разлуку с ним. Отъезд его принципиально был решен, но Шопен долгое время никак не мог собраться уехать. С марта 1830 года он постоянно пишет Войцеховскому, что уезжает на следующей неделе и в конце концов остается в Варшаве до 1 ноября 1830 года. Эти длинные проволочки, кроме свойственной Шопену нерешительности, объясняются и тем, что ему действительно было очень трудно расстаться с Варшавой. Несмотря на то, что он постоянно жаловался на нее и находил, что она не выдерживает никакого сравнения с Берлином и Веной, ему все-таки очень хорошо жилось здесь в кругу боготворившей его семьи и многочисленных друзей. Ему страшно было уехать из своего теплого гнездышка и поселиться где-нибудь в далеком, чужом городе. В Варшаве он считался одним из лучших виртуозов, публика очень любила его, и в концертах он всегда выступал с большим успехом.

Любовь к Констанции тоже была одной из причин, удерживающих Шопена в Варшаве. Сначала он непременно хотел дожидаться ее дебюта в опере. Дебют прошел с большим успехом, и Шопен восторженно писал Войцеховскому, что со сцены она была прекраснее, чем когда-либо, что голос ее звучал восхитительно и игра не оставляла желать ничего лучшего. После этого дебюта влюбленность его еще возросла, и он опять стал откладывать свой отъезд, хотя сам признавал, что медлить ему нечего. Все это приводило его в самое дурное расположение духа. Он пишет Войцеховскому: «Я говорю тебе, что с каждым днем делаюсь все более и более сумасшедшим. Я все еще сижу здесь и не могу решиться назначить окончательно день отъезда. У меня какое-то предчувствие, что я уезжаю из Варшавы, чтобы больше

не вернуться сюда; я убежден, что навсегда прощаюсь с моим домом. О, как грустно, должно быть, умирать не в том месте, где родился! Как мне было бы тяжело вместо родных, дорогих мне лиц видеть около себя в предсмертный час равнодушного доктора и наемного лакея! Если бы ты знал, как мне иногда хочется прийти к тебе, чтобы успокоить свою удрученную душу! Но так как это невозможно, то я часто, сам не знаю зачем, иду бродить по улицам. Но и там тоска моя не утихает, и я опять возвращаюсь домой, чтобы снова начать томиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.